

ВЕЛИКИЙ ОБРАЗ

В ЖИЗНИ каждого человека наступает момент, когда ему хочется оглянуться назад и посмотреть на пройденный путь, оценить его. Немало любопытного увидит он, и вспомнится многое... Есть что вспомнить и артисту, если перечень сыгранных им ролей готов перевалить на третью сотню.

Есть роли, которые запомнились на всю жизнь. И самая счастливая встреча, которая может состояться в биографии актера, — это встреча с образом Владимира Ильича Ленина.

Мне довелось испытать это счастье — сыграть роль Володи Ульянова в спектакле «Семья», затем — роль Владимира Ильича в «Третьей, патетической» и «Кремлевских курантах», в пьесе «Ранней весной» и вот сейчас — в пьесе «Между ливнями». Пять волнующих и ответственных встреч.

Трудно коротко рассказать, как шли поиски образа. Трудно и потому, что актерский поиск в значительной степени лежит в области интуиции. И все же хочется вспомнить, как это было...

1959 год. Казанский Большой драматический театр имени Качалова решает ставить пьесу Н. Погодина «Третья, патетическая». Роль Владимира Ильича Ленина предложена мне. Вот оно — самое заветное, самое главное событие всей творческой жизни! Хватит ли сил, воли, ума и мастерства, чтобы одолеть трудности?

Я много знал об Ильиче. Но как все эти мои знания превратить в физически зримый образ, как воссоздать на сцене образ Ильича, человека неукротимой воли, неисчерпаемого ума, энергии и обаяния, которые покоряют и потрясают каждого из нас, — этого я не знал! Появился сознание сразу «схватить» образ, т. е. скопировать уже известные образцы, созданные раз-

ными видами искусства, механически воспроизвести жест, интонацию и многое другое. После нескольких бесплодных попыток достичь таким путем нужных результатов я отказался от явно бессмысленного занятия.

Главное и основное, что всегда, во все годы отличало Владимира Ильича, — обостренное внимание к людям, к их судьбам, мыслям и чувствам, громадный интерес ко всему, что происходило вокруг, его умение понимать движение души собеседника. Мы вместе с режиссером Э. М. Бейбутовым стали искать в роли те места, в которых это свойство Ильича проявлялось с особой силой, устанавливали конкретные объекты внимания. Все ранее прочитанное об Ильиче теперь как бы заново открылось мне как конкретное, бесспорное доказательство того огромного внимания к человеку, уважения и восхищения человеком, которые всегда наполняли ум и сердце великого вождя. Текст роли вдруг перестал быть просто печатным словом, он наполнился живой мыслью. Желание убедить, увлечь собеседника стало главным в работе.

Это почти физически ощутимо, когда образ становится как бы главной частью тебя самого. И вот, когда это пришло, я вдруг заметил, что внешний рисунок роли начал определяться сам собой, подчас помимо моего сознания. Но теперь уж «ленинские» жесты и позы нужны мне были не просто для увеличения портретного сходства, а как логическая необходимость, и рождались они не извне, не механически, а как бы изнутри, как средство, подкрепляющее мысль, придающее ей особую ударную силу и убедительность. Оказалось, что потребовалось таких жестов совсем немного! Лишь в двух — трех местах роли на мгновение появляется скульптурно-четкий «ленинский» жест. Эти немно-

□
Н. ПРОВОТОРОВ.
Заслуженный артист
РСФСР и ТАССР.

□
гие места, как своеобразные маяки, время от времени должны «высветить» в памяти зрителя знакомый облик вождя, чтобы помочь ему поверить всему образу в целом, всему тому, что между этими «маяками» идет от нас — актера и режиссера.

Казалось, все в образе стало ясным, все шло так хорошо. Но вдруг родилась тревога: что-то еще не сделано. Почему я порой не могу справиться с суетливостью, какой-то нервозностью? Это же противопоказано образу! Ленин был стремителен, быстр, но никак не суетлив! Мужественный порыв, стремительность всегда основаны на силе, мощном темпораменте, а суетливость — следствие смятения и неуверенности. Нужно обрести покой во что бы то ни стало! А как это сделать? Видимо, образ, ставший ясным в деталях, еще не был «собран» в единое целое.

Есть в труде актера моменты подсознательного, интуитивного творчества, не всегда поддающиеся анализу разума. Это область ощущений, внезапного озарения, область чудес... Конечно же, эти «чудеса» подготовлены вполне реальной работой мысли, жизненным опытом, но как они свершаются, эти «чудеса», — рассказать довольно трудно. Случилось и мне испытать такое «чудо»... Мучимый сознанием того, что роль остановилась и не найдено что-то главное, я незадолго до премьеры отпросился на несколько дней в Москву. Хотелось побывать в кремлевской квартире Ленина, осмотреть его кабинет, съездить в Горки, а если посчастливится, встретиться с людьми, лично знавшими Влади-

мира Ильича. Не все мне удалось осуществить, зато в Центральный музей В. И. Ленина я ежедневно приходил к открытию и уходил чуть ли не последним. Особенно долго простаивал я в кабинете Ильича, мысленно примеривался, где ему было удобнее подойти к столу, старался увидеть, как он брал из шкафа книгу, как подходил к окну или к карте, как и в какое кресло чаще всего садился. Я мысленно «обживал» кабинет. Многие стало еще более понятным и близким, многое узналось заново, а «чуда» все не было и не было...

И вот в день отъезда я в последний раз пришел в траурный зал, где в центре, на постаменте, находится посмертный слепок с лица Владимира Ильича, а вдоль стен — склоненные знамена... Вдруг издалека слышу звук пионерского горна... Все ближе, ближе... В зал входит строй ребят во главе с пионервожатой... Прошелестела тихая команда, и строй замер в центре зала. Громкий голос пионервожатой: «Я, юный пионер Советского Союза... Даю торжественное обещание»... И, как присага, тихо и торжественно прозвучал в ответ хор ребячьих голосов: «Я, юный пионер Советского Союза...» Пионерское обещание в этом зале звучало так торжественно, так искренне, глаза ребят горели таким особым огнем, что я вдруг всем своим существом ощутил, какое невероятно большое событие происходит сейчас в жизни этих ребят, что творится в их сердцах!

В эти минуты я по-новому понял, что значит этот человек, память о нем для нас, живущих на земле, какое огромное место занимает он в нашей жизни, в наших сердцах, в нашем будущем.

Возвратившись из Москвы, прямо с поезда я пришел на репетицию и... какой короткой она оказалась мне! Режиссер сказал: «Хорошо! Вот теперь все хорошо!

Как это вам удалось, не знаю, но удалось найти это главное, без чего нет образа».

Так создавался образ Владимира Ильича Ленина в спектакле «Третья, патетическая».

В спектакле «Между ливнями», ныне идущем в нашем театре, работа шла примерно так же, тем более, что и режиссер нового спектакля был тот же. Следует только сказать, что более сложной роли Ленина, чем в этом спектакле, я не знаю. Если в других ленинских пьесах Владимир Ильич предстает в беспрестанном общении с людьми, то в пьесе А. Штейна мы видим его наедине со своими мыслями, тревогами и радостями. Вся роль, в сущности, состоит из двух громадных монологов, каждый из которых занимает около 20 минут сценического времени. Это создает немалые трудности для исполнителя. Но роль содержит в себе столько интересного, что всегда приносит мне настоящую радость.

Я думаю, что ни один исполнитель роли Ленина не может сказать, что он создал совершенный образ, в котором нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. Работа эта так же необъятна и неисчерпаема, как необъятен был сам Ильич.

ВЫХОДЯ на сцену в образе Ленина, я всегда хочу сказать зрителям: «Постарайтесь стать в своих мыслях и делах похожими на этого великого человека, проживите свою жизнь по тем же законам, по каким жил Ильич!» Именно в этом состоит моя актерская «сверхзадача». Именно поэтому я стремлюсь играть Ленина живым, земным человеком, совершавшим великие дела.

Малют 3 стр.

МОЛОТ
Г. Ростов-на-Дону